

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ПОГРЕБЕНИЙ С ФИБУЛАМИ НОВО-САСЬКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

В.В. Ставицкий

ON THE QUESTION OF THE CHRONOLOGY OF THE BURIALS WITH BROOCHES OF THE NOVO-SASYKUL' BURIAL

V. Stavickij

Ключевые слова: хронология, Ново-Сасыкульский могильник, фибулы «Avcissa», поздний этап раннего железного века

В статье анализируется хронология погребений с фибулами, обнаруженных в 13 погребениях могильника. Все они расположены в пределах одного хронологического участка. Ранние погребения были совершены в конце I – начале II в. н.э., поздние – в середине II в. н.э. Участки могильника без фибул датируются временем не позже второй половины I в. н.э.

Keywords: chronology, Novo-Sasykul' burial, «Avcissa» fibula, late stage of the Early Iron Age

The article examines the chronology of the burials with fibulas which were found in 13 graves of the cemetery. All of them are situated within one chronological period. The earliest burials were performed at the end of the 1st – the beginning of the second century, the latest – in the middle of the second century AD. Places of burials without fibulas are dated the second half of the first century AD.

Ново-Сасыкульский могильник расположен в Бакалинском районе Башкортостана, в правобережной пойме р. Ик, на песчаной дюне. Памятник раскапывался с 1976 по 1980 г. С.М. Васюткиным и В.К. Калинин. Основная часть погребений (415 из 418) была отнесена авторами исследований к чегандинской культуре, которые они датировали по находкам фибул I-III вв. н.э. Кроме того, ими было установлено, что наиболее ранние захоронения были совершены в восточной части могильника, а затем могильник развивался в западном и северном направлениях [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121].

Впоследствии хронология Ново-Сасыкульского могильника была проанализирована Б.Б. Агеевым в монографии по пьяноборской культуре. Исследователем на плане раскопа картографированы погребения с фибулами, эполетообразными застёжками, бронзовыми пряжками с подвижным язычком и застёжками с неподвижным крючком. На основе этого был сделан вывод, что могильник развивался концентрическими кругами. При этом оказалось, что раннеримские фибулы «Avcissa» залегают в погребениях между могилами с фибулами более поздних типов и, следовательно, не могут служить для датировки памятника первой половиной I в. н.э. В итоге время функционирования могильника было определено II-III вв. н.э. [Агеев, 1992. С. 77-78].

Тезис Б.Б. Агеева о вероятном запаздывании использования фибул «Avcissa» на территории Прикамья до II-III вв. н.э., основанный на планиграфии Ново-Сасыкульского могильника, позже был оспорен И.Р. Ахмедовым, с утверждением, что их датировка временем не ранее середины I в. н.э. признана большинством исследователей. При этом, И.Р. Ахмедов сослался на работы А.К. Амброза и А.С. Скрипкина [Ахмедов, 2003. С. 132].

Наш интерес к хронологии Ново-Сасыкульского могильника вызван тем, что по ряду параметров его материалы находят близкие аналогии в артефактах Андреевского кургана и Кошибеевского могильника, датировка которых имеет важное значение для проблемы происхождения древнемордовской культуры [Ставицкий В., 2013; 2015; Ставицкий В., Ставицкий А., 2015].

Итак, наиболее дискуссионный характер носит вопрос о датировке погребений с фибулами «Avcissa». На наш взгляд, точка зрения И.Р. Ахмедова о том, что подавляющее число исследователей датируют распространение данных фибул на юге Восточной Европы первой половиной I в. н.э. недостаточно обоснована. В работе А.К. Амброза практически отсутствует аргументация того, что фибулы «Avcissa» найдены на данной территории в комплексах указанного периода. Им приведен всего один пример нахождения этих

фибул в погребениях могильника у г. Мингечаур, который по монетам Августа и Фраата IV датируется I в. до н.э. – I в. н.э. Хронология подобных фибул основана на том, что они изготавливались в первой половине I в. н.э. в Галлии и Северной Италии, а в эпоху Флавиев (70-80-е годы) на этой территории уже не употреблялись [Амброз, 1966. С. 26].

При этом, А.К. Амброзом было отмечено, что вопрос об их местном производстве на юге бывшего СССР пока не решен [Там же]. Между тем, если данные фибулы изготавливались в причерноморских мастерских, то аргументация, основанная на их хронологии западных территорий, нуждается в корректировке.

В монографии А.С. Скрипкина «Азиатская Сарматия» фибулы «Avcissa» также датируются первой половиной I в. н.э. Однако, подобных фибул описано всего две и их хронология обосновывается ссылкой на ту же работу А.К. Амброза [Скрипкин, 1990. С. 109]. К тому же, в более ранней работе А.С. Скрипкиным отмечен пример находки подобной фибулы в позднесарматском погребении Архаринского могильника, что трактуется им в качестве запаздывания данного вида застежек [Он же, 1977. С. 115-116]. По мнению М.В. Кривошеева, данное погребение по серьгу-луннице и пряжке-сюльгаме датируется второй половиной III в. н.э. [Кривошеев, 2005. С. 73].

Необходимо отметить, что подобная датировка сюльгамы основана на предположении о том, что в самарские могильники Поволжья эти застежки попадают с территории Северного Кавказа, где они зафиксированы только в погребениях III в. н.э., преимущественно его второй половины [Абрамова и др. 2000. Рис. 20, 6; 23, 3; 31, 1; 2001. Рис. 27, 3; 45, 2; 58, 12]. Однако, подобные сюльгамы эпизодически встречаются и в Прикамье в погребениях первых веков н.э. [Голдина, 2003. С. 279, 541, 543, 564. Табл. 277, 3; 539, 6; 541, 1; 562, 5]. Присутствуют они и в погребениях Новосасыкульского могильника [Васюткин, Калинин, 1986. С. 112. Рис. 14, 7, 8].

Следует отметить, что в Северном Причерноморье находки фибул «Avcissa» наиболее многочисленны в римских военных лагерях, и, по мнению А.В. Симоненко, сюда они попадают вместе с римскими легионерами, которые приняли участие в войне с Митридатом VIII [Симоненко, 2011. С. 21-22]. Данный факт подтверждается концентрацией находок фибул «Avcissa» на территориях, так или иначе связанных с боспорским конфликтом. Так, 17 подобных фибул найдено в Прикубанье и 42 – в Центральном Предкавказье, т.е. там, где проходили основные боевые действия. Еще 14 фибул найдено в г. Пантикапей и его окрестностях, где должен был стоять римский гарнизон, 25 – на Нижнем Дону [Марченко, Лим-

берис, 2004. С. 221-241], где исследователи локализируют памятники аорсов, принявших участие в конфликте на стороне Рима [Ставицкий В., 2013. С. 136].

А.В. Симоненко отмечает, что большинство сарматских погребений с фибулами «Avcissa» не содержат других хроноиндикаторов с более узкой, нежели у этих фибул, датой и обычно датируются именно по ним. Поскольку к кочевникам эти фибулы попали после окончания их участия в конфликте 45-49 гг. н.э., то большинство их должно датироваться временем позднее середины I в. н.э. [Симоненко, 2011. С. 21-22]. По мнению А.В. Симоненко, с последних десятилетий I в. до н.э. до середины I в. н.э. культурное и экономическое влияние Рима, занятого гражданской войной, а позднее – становлением империи, еще не распространилось на античный мир Северного Причерноморья. Это – период нестабильности в античном мире и затишья сармато-античных связей [Там же. С. 112-113].

К сходным выводам пришел и М.Ю. Трейстер. По его наблюдениям, металлические детали римского военного костюма, в который входили и фибулы «Avcissa», появляются не ранее середины I в. н.э. Причем массовое распространение такие элементы костюма, как римские пряжки, получают только с середины II в. н.э., когда они начинают изготавливаться на Боспоре по римским образцам в местной мастерской [Трейстер, 2000. С. 118]. Не исключено, что в данной мастерской могли производить и фибулы.

Периодом расцвета среднесарматской культуры (вторая половина I – начало II в. н.э.) в основном датирует погребения с фибулами «Avcissa» В.В. Кропотов [2010. С. 173]. В.В. Гришаков и С.Э. Зубов погребения Андреевского кургана с фибулой данного типа отнесли к третьей хронологической группе, захоронения которой были совершены преимущественно в последней четверти I в. н.э. с возможным заходом в первую четверть II в. н.э. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 49-53]. Факт запаздывания фибул «Avcissa» в могильниках Прикамья признается и Т.М. Сабировой, которая в своей диссертации датирует ново-сасыкульские находки концом I(?) – началом II в. н.э. [Сабирова, 2015].

Таким образом, за исключением явного и достаточно длительного запаздывания фибулы из Архаринского кургана, остальные находки фибул «Avcissa» на территории Поволжья и Прикамья обнаружены в погребениях, материалы которых датируются второй половиной I – началом II в. н.э. В связи с этим возникает вопрос, не противоречит ли такая датировка расположению погребений с данными фибулами на плане Новосасыкульского могильника?

Предположение Б. Б. Агеева о концентрическом развитии данного могильника имеет под собой определенную основу, однако данный процесс, на наш взгляд, имел более сложный характер. Судя по планиграфии распространения основных категорий находок на памятнике и с учетом ориентировки захоронений, самая ранняя часть могильника, образующая его условное ядро первопоселенцев, расположена в восточной части раскопа (участок 1). Это погребения, ориентированные по линии ЗСЗ-ВЮВ. Погребения в рядах развивались с севера-северо-востока на юго-запад, новые ряды закладывались в западном направлении (рис. 1).

В захоронениях первого участка нет оружия, единичны сосуды, которые все круглодонные, не зафиксировано гривен со скользящей петлей, ряд погребений содержат застезки с неподвижным крючком. Причем к этому первичному ядру не относятся крайние ряды погребений, находящиеся в северной и южной части этого участка раскопа. На плане между ними виден достаточно хорошо выраженный интервал, к тому же погребения северной части имеют иную ориентировку.

Следующая фаза развития могильника связана с появлением погребений, ориентированных по линии ССВ-ЮЮЗ (участок 2), что, видимо, было обусловлено притоком какой-то родственной группы населения. По инвентарю ранние погребения второго участка ничем особенным не отличаются от захоронений с прежней ориентировкой.

Вторая группа захоронений перекрыла возможность образования новых погребальных рядов первопоселенцев в западном направлении, поэтому новые ряды их погребений стали закладывать южнее захоронений 2-го участка. Однако, места для этого на дюне было недостаточно, поэтому в восточной части снова стали совершаться захоронения (участок 3). Их ряды оказались расположены на самом краю дюны, поэтому были очень короткими, и состояли из 4-6 погребений. В результате, погребения третьего участка стали быстро развиваться в западном направлении по самому краю дюны.

Отличительной чертой этого участка является присутствие в его погребальном инвентаре фибул и импортных гривен, особенно гривен со скользящей петлей, близкие аналоги которым известны на памятниках Северного Причерноморья [Ставицкий В., 2013. С. 113]. Также здесь сконцентрирована значительная часть погребений с оружием, которые как бы «опоясывают» полукругом раннюю часть могильника. Кроме того, в захоронениях третьего участка найдена большая часть круглодонных сосудов, что, видимо, свидетельствует о приверженности погребенных здесь людей к развитию местных керамических тради-

ций, в то время как в синхронных захоронениях с керамикой второго участка преобладают плоскодонные сосуды.

Подобное развитие могильника, на наш взгляд, и создало тот «концентрический эффект» на который обратил внимание Б. Б. Агеев. Верным является и выдвинутый им тезис о едином интервале попадания фибул в захоронения могильника, однако хронология данного события нуждается в уточнении.

Вслед за авторами раскопок, Б. Б. Агеев датировал фибулы по своду источников А. К. Амброза, материалы которого во многом сохраняют актуальность для памятников Северного Причерноморья. Для сарматской культуры Нижнего Поволжья, посредством которой фибулы попадали на территорию Прикамья, их хронология была скорректирована А. С. Скрипкиным. Согласно его исследованиям, наряду с фибулами «Avcissa», наиболее раннюю датировку на могильнике имеют пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника, которые встречаются в сарматских погребениях конца I – первой половины II в. н.э. [Скрипкин, 1990. С. 111].

На плане раскопа три погребения (144, 253, 281) с этими фибулами находятся восточнее фибул «Avcissa», т.е. попали в захоронения раньше их (рис. 1, 11, 12, 14). Еще две расположены западнее (погребения 13, 224), следовательно, они оказались в могилах несколько позже. Причем две последние фибулы очень похожи. Они имеют спинку иволистной формы, покрытую мелкими насечками (рис. 1, 4, 6). Возможно это более поздняя разновидность данного типа застезек.

Концом I – началом II в. н.э. датировали авторы раскопок миниатюрную фибулу с завитком из погребения 75 [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121], которая находится на самой границе участков 1 и 3 и по планиграфическим наблюдениям является на могильнике самой ранней (рис. 1, 13).

В соседнем ряду захоронений с фибулами «Avcissa» (погребения 164 и 139) зафиксированы лучковые подвязные фибулы (рис. 1, 7, 8), которые датируются А. С. Скрипкиным первой половиной II в. н.э. [Скрипкин, 1977. С. 107]. Поскольку наиболее вероятный интервал бытования фибул «Avcissa» в Поволжье относится ко второй половине I – началу II в. н.э., то, исходя из планиграфического пересечения на могильнике описанных разновидностей застезек, можно предположить, что погребения на данном участке памятника, скорее всего, были совершены в начале II в. н.э.

Самую позднюю хронологическую позицию на могильнике занимают сильно профилированные фибулы с бусиной на головке и с крючком для тетивы. Три погребения с их находками рас-

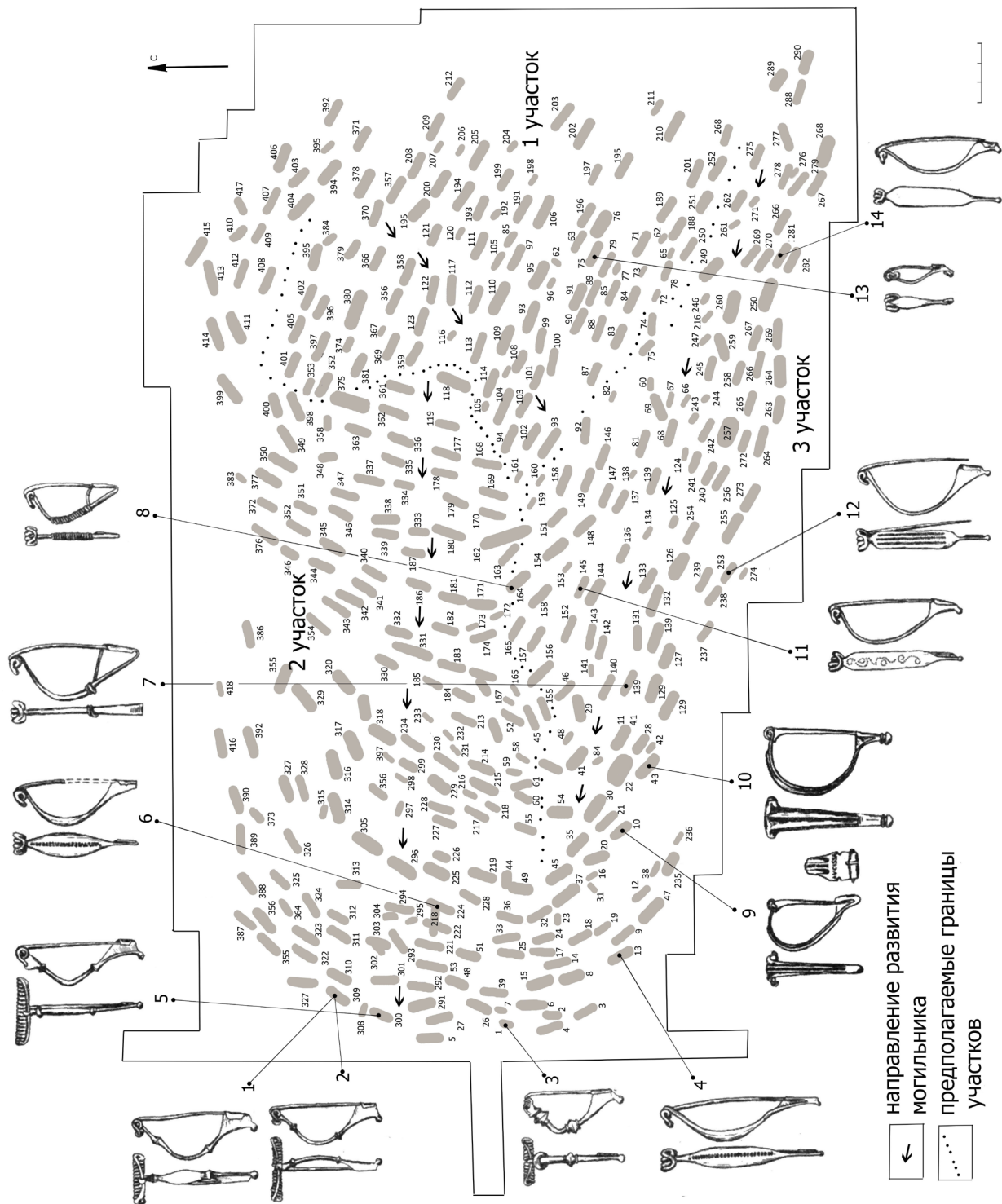

Рис. 1. План расположения фибул в погребениях Ново-Сасыкульского могильника.

положены в крайнем западном ряду памятника. Подобные фибулы подразделяются А.С.Скрипкиным на 2 варианта. К первому варианту он относит фибулы с короткой спинкой, которая по длине меньше расстояния от задней бусины до кнопки приемника, и приемником, удаленным от задней бусины. Данным параметрам соответствует фибула из погребения 1. В сарматских могиль-

никах датированные находки подобных фибул относятся к первой половине III в. н.э. [Скрипкин, 1990. С. 112].

Фибулы второго варианта имеют длину спинки больше, чем расстояние от задней бусины до кнопки приемника. Подобные фибулы, имеющие спинку округлого сечения, А.С.Скрипкин считает более ранними, чем застежки с плоской

спинкой. В погребении 309 найдены две фибулы с разным сечением спинки (рис. 1, 1, 2). В погребении 300 зафиксирована фибула со спинкой круглого сечения (рис. 1, 5). Бытование фибул второго варианта А.С.Скрипкина определяет серединой II в. н.э. [Скрипкин, 1977. С. 113].

Таким образом, по находкам фибул время совершения захоронений на третьем, самом позднем хронологическом участке могильника, относится ко времени конца I – середины II в. н.э. Погребения на первом участке и в ранней части второго участка, видимо, совершались на протяжении второй половины I в. н.э., хотя нельзя исключать и более раннего времени. Подобная хронология хорошо согласуется с наблюдениями

А.С.Скрипкина о том, что на протяжении большей половины II в. н.э. фибулы практически не попадали на территорию Заволжья. Новая волна их проникновения в регион относится к третьей четверти II в. н.э. [Там же. С. 112], когда появляются фибулы новых типов, которых в Ново-Сасыкульском могильнике нет. Подобные перебои в поступлении фибул, по мнению А.С.Скрипкина, были обусловлены распространением в Поволжье памятников позднесарматской культуры, которое происходило на фоне конфронтации двух сарматских групп населения – заволжской и волго-донской [Там же]. Возможно, что с данными событиями было связано и прекращение функционирования Ново-Сасыкульского могильника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2. М.: Институт археологии РАН, 2000. 140 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4. М.: Институт археологии РАН, 2001. 151 с.

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УРО РАН, 1992. 140 с.

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 142 с.

Ахмедов И.Р. Комплекс предметов с городища Долматово Старожиловского района Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003. С. 128-138.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 95-122.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. 2. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Кривошеев М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации. Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 339 с.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Изд-во «Адеф-Украина», 2010. 384 с.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из

Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. М., 2001. С. 221-241.

Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Нестор-История, 2011. 272 с.

Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. №2. С. 110-120.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 300 с.

Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. №3. С. 126-140.

Ставицкий В.В. Планиграфия и хронология погребальных памятников волжских финнов I тысячелетия н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II / Отв. ред. Ситдинов А.Г., Макаров Н.А., Деревянко А.П. Казань: «Отечество». 2014. С. 418-422.

Ставицкий В.В. Происхождение древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2015. №1. С. 42-58.

Ставицкий В.В., Ставицкий А.В. Планиграфия захоронений Кошибеевского могильника // История и археология. 2015. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/02/1453> (дата обращения: 09.04.2015)

Трейстер М.Ю. Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // РА. 2000. №3. С. 118-124.

REFERENCES

- Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G.* Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovskiy Pervy-2 [Mounds of Lower Sulak: The First Lvov-2 burial]. M.: Institut arheologii RAN, 2000. 140 s.
- Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G.* Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovskiy Pervy-4 [Mounds of Lower Sulak: The First Lvov-4 burial]. M.: Institut arheologii RAN, 2001. 151 s.
- Ageyev B.B.* Pyanoborskaya kultura [P'janyj Bor culture]. Ufa: BNTc UrO RAN, 1992. 140 s.
- Ambroz A.K.* Fibuly yuga Yevropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e. [Fibules from the south of the European part of the USSR in the II BC – IV century AD] / SAI. Vyp. D1-30. M.: Izd-vo AN SSSR, 1966. 142 s.
- Akhmedov I.R.* Kompleks predmetov s gorodishcha Dolmatovo Starozhilovskogo rayona Ryazanskoj oblasti [Complex of objects from Dolmatovo settlement of Starozhilovsk District Ryazan region] // Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Okskogo basseyna. Ryazan, 2003. S. 128-138.
- Vasyutkin S.M., Kalinin V.K.* Novo-Sasykul'skiy mogilnik [Novo-Sasykul' burial ground] // Arkheologicheskiye raboty v nizovyakh r. Beloy / Otv. red. A.H. Pshenichnyuk. Ufa: BF AN SSSR, 1986. S. 95-122.
- Goldina R.D.* Tarasovskiy mogilnik I-V vv. na Sredney Kame [Tarasovo burial ground of the I-V centuries AD on the Central Kama]. T. 2. Izhevsk: Udmurtija, 2003. 721 s.
- Grishakov V.V., Zubov S.E.* Andreevskiy kurgan v sisteme arkheologicheskikh kultur rannego zheleznogo veka Vostochnoy Yevropy [Andreevka mound in the system of archaeological cultures of the Early Iron Age in Eastern Europe]. Kazan: Institut istorii AN RT, 2009. 174 s.
- Krivoshcheyev M.V.* Pozdnesarmatskaya kultura yuzhnoy chasti mezhdurechya Volgi i Dona. Problemy khronologii i periodizatsii [Late Sarmatian culture of the southern area between the Volga and the Don. Problems of chronology and periodization]. Diss. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2005. 339 s.
- Kropotov V.V.* Fibuly sarmatskoy epokhi [Fibules of the Sarmatian period]. Kiyev: Izd-vo «Adef-Ukraina», 2010. 384 s.
- Limberis N.Y., Marchenko I.I.* Rimskiy i provintsialno-rimskiy bronzovye fibuly iz Prikubanya [Roman and provincial-Roman bronze fibulae of the Kuban area] // Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani. Krasnodar, 2004. Vyp. 4. S. 221-241. M., 2001.
- Sabirova T.M.* Fibuly Srednego Prikamya pervoy poloviny I tys. n.e. [Fibulae of Middle Kama area of the first half of the I millennium AD]. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2015.
- Simonenko A.V.* Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Roman imports in the Northern Black Sea area Sarmatian]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 272 s.
- Skripkin A.S.* Fibuly Nizhnego Povolzh'ya (po materialam sarmatskikh pogrebeniy) [Fibulae of the Lower Volga region (based on Sarmatian burials)] // SA. 1977. №2. S. 100-120.
- Skripkin A.S.* Aziatskaya Sarmatiya: problemy khronologii i eyo istoricheskiy aspekt [Asiatic Sarmatia: problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: SGU, 1990. 300 s.
- Stavitskiy V.V.* Zapadnyy komponent v materialakh Andreevskogo kurgana [Western component in materials of Andreevka's mound] // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya. Saransk, 2013. №3. S. 126-140.
- Stavitskiy V.V.* Planigrafiya i khronologiya pogrebalnykh pamyatnikov volzhskikh finnov I tysyachet' letiya n.e. [Planigraphy and chronology of burial sites of Volga Finns I millennium AD] // Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani. Tom II / Otv. red. Sitdikov A.G., Makarov N.A., Derevjanko A.P. Kazan: «Otechestvo». 2014. S. 418-422.
- Stavitskiy V.V.* Proiskhozhdeniye drevnemordovskoy kultury [The origin ancient Mordovian culture] // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya. Saransk, 2015. №1. S. 42-58.
- Stavitskiy V.V., Stavitskiy A.V.* Planigrafiya zakhoroneny Koshibeyevskogo mogilnika [Planigraphy of burial graves of Koshibeevo] // Istoriya i arkheologiya. 2015. №2 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/02/1453> (data obrashcheniya: 09.04.2015).
- Treyster M.Y.* Mestnye podrazhaniya detalyam rimskogo voyennogo kostyuma na Bospore [Local imitations in details of the Roman military costume in the Bosphorus] // RA. 2000. №3. S. 118-124.